

Огонь Маяка.

Микаэль Вудъ.

Въ комнатѣ съ обнаженными стѣнами, окна которой выходили на тихій скверъ въ отдаленной части Лондона, сидѣли два человѣка. Въ комнатѣ не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ простыхъ стульевъ, письменнаго стола, другого стола, книжныхъ полокъ и большого деревяннаго креста, прибитаго къ бѣлой голой стѣнѣ.

Старшій изъ двухъ сидѣлъ у письменнаго стола; онъ только что писалъ и продолжалъ держать перо. Младшій сидѣлъ напротивъ. Его глаза смотрѣли горячо въ лицо собесѣдника, ибо сила этого человѣка овладѣла его душой и мудрость его зажгла яркій свѣтъ въ его сознаніи. И за это онъ посвятилъ свою жизнь, свою молодость, всѣ силы души и свое большое богатство и вліяніе— онъ былъ богатъ и высокаго происхожденія—тому великому дѣлу, которому служилъ старшій собесѣдникъ. Послѣдній слылъ за учителя Божественной Мудрости и былъ многими почитаемъ за великую духовную силу и за праведность жизни. Онъ говорилъ медленно и выразительно, продолжая играть перомъ.

— Передъ вами, пребывавшимъ во тьмѣ, явился свѣтъ,—говорилъ онъ.— Не удивительно, что глаза ваши ослѣплены. Но лучше имѣть глаза, не ослѣпленные свѣтомъ и не затемненные мракомъ. Поставьте себѣ вопросъ: что бы вы сдѣлали, если бы васъ перестала радовать ваша работа?

— Я бы продолжалъ работать. Продолжалъ бы изъ любви къ Богу и изъ любви къ вамъ; *это* дало бы мнѣ радость.

— Но если бы вы перестали чувствовать радость?

— Нельзя не чувствовать радости, когда трудишься для того, кого любишь.

— У васъ большая способность любить. Это огромная сила. Но если бы вы перестали чувствовать, что любите Бога или меня, что тогда?

— Я... перестать любить Бога! Перестать любить васъ, научившаго меня какъ нужно любить Бога!

Старшій собесѣдникъ улыбнулся.

— Я этого не сказалъ. Я сказалъ: если вы перестанете чувствовать, что любите Бога или меня, что тогда?

— Нельзя любить, не чувствуя любви.

— Вы совершенно въ этомъ увѣрены?

Младшій посмотрѣлъ на говорившаго. Старшій глядѣлъ, улыбаясь, на него; въ первый разъ юноша замѣтилъ, что его спокойное лицо носило слѣды утомленія.

— Какъ вы себѣ представляете человѣка, который доказалъ на дѣлѣ, что можетъ любить великой любовью, если онъ неожиданно для себя потеряетъ способность любить, не будетъ сознавать ее.

— Развѣ это можетъ быть?

— Можетъ. Я это знаю. Любить и чувствовать любовь—двѣ разныя вещи. Едва-ли можно чувствовать любовь, не любя. Но возможно любить, не испытывая чувства любви. Если вы въ состояніи будете жить не жалуясь, когда почувствуете, что вся ваша любовь умерла и весь вашъ энтузіазмъ исчезъ безъ слѣда, если вы это вынесете, не прося помощи ни словомъ, ни мыслью, ни сердцемъ, и продолжая работать съ прежней рѣшимостью, не допуская никого узнать, что происходитъ въ глубинѣ вашей души, тогда... Но подождите, пока настанетъ часъ. Можетъ быть онъ никогда не настанетъ для васъ. Не думаю, чтобы это испытаніе приходило ко всѣмъ.

Выслушавъ эти слова, молодой удалился въ молчаніи. Онъ подумалъ, что часъ этотъ пришелъ къ учителю, котораго онъ любилъ и почиталъ; пришелъ и снова ушелъ, думалось ему; ибо человѣкъ этотъ былъ подобенъ факелу, отъ пламени котораго зажигалась одна душа за другой и разгоралась священнымъ огнемъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ молодой вернулся къ старшему въ мучительной тревогѣ. Онъ думалъ о своихъ прежнихъ грѣхахъ и воспоминаніе о нихъ наполняло его скорбью; мало того, ему казалось, что новые слабости и грѣхи, къ которымъ онъ относился на половину съ состраданіемъ, и на половину съ осужденіемъ, подкрались къ нему и онъ чувствуетъ ихъ силу надъ собой. Старшій выслушалъ его.

— Если я вамъ скажу, что придетъ день, когда вы признаете свои ошибки скрытымъ благословеніемъ,—сказалъ онъ,— я думаю, вы начнете считать меня грѣшникомъ и даже закоренѣлымъ?

Молодой человекъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Убитый грѣхъ есть великое оружіе,—сказалъ старшій,—но еще болѣе великое оружіе—пережитая добродѣтель.

— Пережитая добродѣтель?

— Бываетъ время,—продолжалъ старшій,—когда человекъ живетъ болѣе или менѣе довольный въ своихъ грѣхахъ; затѣмъ приходитъ время, когда онъ побѣждаетъ грѣхи и начинаетъ жить въ своихъ добродѣтеляхъ; но подъ конецъ настанетъ часъ, когда онъ не живетъ болѣе ни въ грѣхахъ, ни въ добродѣтеляхъ, а только помнитъ ихъ. Дорогой другъ, я наблюдалъ за вами, когда вы въ своей молодой силѣ и пламенномъ рвеніи относились съ презрительнымъ снисхожденіемъ къ состарившемуся товарищу, характеръ котораго надорвался и здоровье и нервы не выдержали напряженія жизни. Но въ послѣдніе дни, когда и ваши здоровыя силы поддались отъ чрезмѣрнаго напряженія, а святость перестала казаться такой доступной, какъ въ первые дни, мнѣ показалось, что вы уже не чувствовали той самоувѣренной снисходительности къ пожилому товарищу, силы котораго подточились тревогами жизни, не правда-ли? Юноша покраснѣлъ; онъ не отвѣтилъ ничего.

— Послѣ этого къ вамъ вернулось временно утраченное спокойствіе, и я замѣтилъ, что вы стали относиться терпѣливѣе къ своему раздражительному товарищу, начали внимательно избѣгать несогласія съ нимъ. Я замѣтилъ, что когда ваше собственное самообладаніе измѣнило вамъ—хотя это было такъ незамѣтно, что никто бы и не увидалъ этого кромѣ меня—съ тѣхъ поръ вы стали гораздо осторожнѣе въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ. Развѣ это не большой выигрышъ?

Молодой человекъ колебался.

— Я не отрицаю, что это—испытаніе. Это вызываетъ непріятное чувство униженія и неудачи. Но ясно видѣть свою несостоятельность, значитъ быть на пути къ побѣдѣ.

Это было ихъ послѣднее свиданіе. Прошло нѣсколько лѣтъ. Молодой человекъ сталъ извѣстенъ, какъ блестящій проповѣдникъ. Онъ странствовалъ по разнымъ мѣстамъ и вызывалъ въ душѣ своихъ слушателей энтузіазмъ и жажду служенія. Среди всѣхъ своихъ трудовъ онъ не переставалъ горѣть любовью и вѣрностью, къ тому праведному человеку, влияніе котораго измѣнило всю его судьбу.

Прошло пять лѣтъ, и они снова увидѣлись и даже работали вмѣстѣ въ теченіе цѣлаго года. Половина этого года прошла для молодого проповѣдника въ горячемъ трудѣ, полномъ радости и

вдохновенія, которое его осѣняло въ присутствіи горячо любимаго учителя; за то вторая часть года принесла ему страшное испытаніе: въ его душѣ водворился холодъ и мракъ, напоминавшій мертвую пустыню. Въ концѣ года онъ вышелъ изъ города, чтобы побыть совсѣмъ одному на холмахъ и безъ помѣхи взвѣсить свое положеніе.

Насталъ тотъ часъ, о которомъ ему говорилъ учитель; онъ не чувствовалъ любви къ своей работѣ, не было у него любви и къ своему руководителю и къ единомышленникамъ, не было любви къ человѣку, не осталось любви и къ Богу.

Но состояніе это не вызывало въ немъ страданія; лишь спокойное безжизненное удивленіе и холодную какъ ледъ критику своего собственнаго положенія. Онъ могъ ясно разсуждать; онъ не вдавался въ обманъ; онъ зналъ, что любить и свою работу, и того дорогого человѣка, но только не можетъ чувствовать этой любви. Въ теченіе этихъ шести мѣсяцевъ онъ не испытывалъ ни одного луча радости, ни искры энтузіазма, ни малѣйшаго стремленія къ познанію и служенію; и тѣмъ не менѣе—онъ видѣлъ это—никогда трудъ его не былъ болѣе плодотворнымъ.

Не рѣдко въ истекшіе шесть лѣтъ онъ испытывалъ усталость отъ напряженнаго труда; не рѣдко его горячее рвеніе ослабѣвало, и тогда земная жизнь казалась ему сѣрой, а небеса нѣмыми; но онъ никогда не переставалъ любить этого единственнаго человѣка, овладѣвшаго его душой. Теперь же любовь покинула его и, казалось, покинула навсегда. Эта внезапная несостоятельность чувства по отношенію къ тому человѣку, съ которымъ душа его была такъ неразрывно связана, поразила его такъ, какъ не могли поразить никакія другія испытанія. Но онъ продолжалъ работать и безъ любви, съ виду также усердно и даже радостно, и никто не зналъ, что скрывалось въ его душѣ.

Потребность провѣрить себя была вызвана его встрѣчей съ юношей, который любилъ его какъ руководителя; юноша этотъ говорилъ о своей безпредѣльной благодарности; онъ изливалъ признанія въ своей страстной любви и восторженномъ поклоненіи къ учителю, не подозрѣвая, что таилось въ душѣ его слушателя. За годъ до этого онъ часто встрѣчался съ этимъ юношей; въ то время огонь любви къ тому человѣку, который принесъ свѣтъ его душѣ, горѣлъ ярко въ его сердцѣ; онъ горѣлъ болѣе пламенно, чѣмъ любовь этого юноши, и слова его были болѣе могущественны, ибо онъ обладалъ большимъ даромъ слова. Естественно, что юноша пришелъ именно къ нему, желая выразить

чувства, которыя слушатель его долженъ былъ раздѣлять съ нимъ. Молодой проповѣдникъ слушалъ, соглашался, выражалъ сочувствіе, а сердце оставалось мертвымъ въ его груди. Вотъ это послѣднее испытаніе и заставило его удалиться въ одиночество, чтобы на досугъ провѣрить себя.

Размышляя шелъ онъ по поросшей верескомъ равнинѣ, направляясь къ морю. Вблизи отъ морского берега онъ подошелъ къ странному мѣсту. Небольшое, покрытое травой пространство на самой вершинѣ утеса. Тамъ стояла выбѣленная хижина, а позади хижины на самомъ высококомъ мѣстѣ утеса виднѣлась площадка, къ которой вела лѣстница; на площадкѣ, тщательно защищенной отъ вѣтра и дождя, виднѣлась жаровня со слѣдами сгорѣвшихъ дровъ.

Онъ постучалъ въ дверь хижины; онъ чувствовалъ себя усталымъ и голоднымъ послѣ двѣнадцатичасового поста. Старая женщина съ загорѣлымъ морщинистымъ лицомъ и свѣтлыми глазами пригласила его войти. Онъ попросилъ у нея поѣсть; она достала хлѣба и козьяго молока и извинилась, что это все, что она имѣетъ. Въ хижинѣ было чрезвычайно холодно. На очагѣ виднѣлась холодная зола.

— Почему вы не зажигаете огня?—спросилъ онъ съ удивленіемъ; онъ видѣлъ, какъ она ѣжилась и терла свои застывшія старыя руки.

— Почему?—переспросила она весело.—Пройдетъ цѣлый мѣсяцъ, прежде чѣмъ дровяникъ доставитъ мнѣ другую порцію дровъ; здѣсь по близости совсѣмъ нѣтъ дровъ и я не могу имѣть огонь и на очагѣ, и тамъ на скалѣ.

— Почему же вы не зажигаете его здѣсь, въ хижинѣ?

— По случаю лодокъ,—отвѣтила она.—Мой мужъ и мой единственный сынъ потонули въ морѣ. Берегъ здѣсь очень опасный. Я зажигаю жаровню каждый вечеръ послѣ заката солнца и три раза въ ночь встаю съ постели и поддерживаю огонь.

— Значитъ вы жертвуете огнемъ вашего очага для той жаровни?

— Да, сэръ. По утрамъ и по вечерамъ бываетъ очень холодно. Но по ночамъ я лежу и думаю о моемъ огнѣ, хотя и не могу видѣть, какъ онъ свѣтитъ надъ водой; и мысль о немъ согрѣваетъ меня. Народъ говоритъ: зачѣмъ я живу здѣсь въ такомъ одиночествѣ; но я ни за что не покину жаровню; и совсѣмъ ужъ я не такъ одинока; сдается мнѣ словно кусокъ моего сердца на-

правляется къ кораблямъ вмѣстѣ съ тѣмъ огнемъ. Мой мальчикъ-то вѣдь былъ матросомъ, знаете, сэръ?

— А,—сказаль онъ медленно,—Вы не можете одновременно зажигать огня и въ своемъ очагѣ, и въ томъ маякѣ. Думаю, что вы правы, избирая холодъ для себя.

— Когда у меня будетъ болѣе топлива, сэръ,—сказала она весело,—можетъ быть, я опять зажгу оба огня.

Онъ кивнулъ головой, всталъ у двери и началъ смотрѣть на бѣгущія облака и безплодные холмы. Знакомыя слова раздавались въ его ухахъ: „видимыя вещи—временны, невидимыя—вѣчны“. И онъ передалъ ихъ такъ: „вещи, которыя чувствуешь—временны“ и сталъ думать—не является ли то, что чувствуешь, тѣнью того, чего не чувствуешь, но что вѣчно.

„Тѣнь зависить отъ свѣта“, размышляль онъ, „но то, что отбрасываетъ тѣнь, остается и тогда, когда свѣтъ уходитъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, относится ли это также и къ любви? Не есть ли то, что мы чувствуемъ, только тѣнь любви, а вовсе не ея суть?“

Онъ простился со старой женщиной и пошелъ по направленію къ городу; но по дорогѣ онъ остановился на вершинѣ холма и сталъ смотрѣть какъ садится солнце. Онъ сознавалъ въ себѣ чувство свободы и успокоенія, какихъ не испытываль никогда до этого времени; словно онъ перешель черезъ какія-то двери души и вступилъ на открытое мѣсто съ широкими далями, съ раскрывающимися во всѣ стороны горизонтами. Но это была холодная и печальная свобода, спокойствіе пустыни, какое долженъ испытывать человѣкъ, пережившій какимъ-то чудомъ изверженіе вулкана и сидящій въ одиночествѣ въ сожженной до тла пустынѣ, которая еще такъ недавно была полна жизни. Но чувство это принесло съ собой странное ощущеніе силы и ясности мысли.

Когда онъ стояль такимъ образомъ и думаль, раздались шаги на тропинкѣ, и онъ обернулся, чтобы посмотрѣть кто идетъ. Шель знакомый ему человѣкъ; четыре года назадъ они встрѣтились; путникъ посѣтилъ проповѣдника и раскрыль передъ нимъ душу, въ которой царили такой холодъ и такая мучительная пустота, словно безводная пустыня, бичуемая ледянымъ вѣтромъ. Человѣкъ этотъ былъ одинокъ; но онъ пришелъ не для того, чтобы нарушить это одиночество; онъ зналь, что вся причина въ его собственной душѣ, но онъ не зналь какъ бороться съ ней и пришелъ къ проповѣднику за совѣтомъ и помощью. Послѣдній былъ тогда въ полномъ расцвѣтѣ своей пылкой любви къ Богу и

къ человѣку, но ему не удалось помочь своему гостю. Они разстались, оба сознавая неудачу; желавшій помочь въ настроеніи разочарованномъ и огорченномъ, а приходившій за помощью въ состояніи мертвой покорности.

Теперь они снова встрѣтились и поздоровались, сѣли на возвышеніи холма и стали смотрѣть на заходящее солнце. Тишина заката царила надъ землей, вѣтеръ затихъ и лишь слабый крикъ какой-то птицы проносился надъ бесплодной равниной. Они поговорили немного о разныхъ вещахъ, а затѣмъ сидѣли въ молчаніи. Прощаясь, проповѣдникъ спросилъ: „Вы живете здѣсь?“

Въ пустынѣ. Въ сообществѣ съ семью дьяволами, подумаете вы, можетъ быть, но вы ошибетесь: я одинъ.

— Такъ же какъ и я,—сказалъ проповѣдникъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Я думалъ, что вы живете въ городахъ. Мнѣ часто попадается ваше имя. Развѣ вы живете не среди людей?

— Да.

— Когда я въ послѣдній разъ видѣлъ васъ,—заговорилъ путникъ,—вы очень много говорили о любви. О любви къ Богу, о любви къ вашимъ братьямъ, о любви къ человѣчеству (конечно съ большой буквы), о любви къ тому, кто васъ училъ и направлялъ вашу душу. Вы чувствовали эту великую любовь, вы пламенѣли ею. Она охватывала васъ пожаромъ; развѣ не вѣрно?

— Вѣрно, —сказалъ проповѣдникъ, улыбаясь.

— Нужно думать, что вы все это чувствуете и теперь, но вы больше не говорите о любви.

— Я могу говорить и теперь, если вы пожелаете. То, что я говорилъ—правда, я увѣренъ въ этомъ и теперь; но вѣдь я не помогъ вамъ тогда, не правда ли?

— Нѣтъ, не помогли. Но вы помогли мнѣ теперь.

— Помогъ?—спросилъ проповѣдникъ съ удивленіемъ.— Какимъ образомъ?

— Я не знаю. Можетъ быть, *вы* это знаете? Я высказалъ вамъ, что мнѣ непонятно было, когда вы говорили о любви, о преклоненіи, о преданности Богу и человѣку.

— Ну, и что же?

— То, что я понималъ васъ теперь, когда сидѣлъ молча рядомъ съ вами. Я это почувствовалъ, какъ что-то живое внутри себя. Вамъ это не удалось тогда, а теперь удалось.

— Не думаю,—сказалъ проповѣдникъ, помолчавъ и съ выраженіемъ изумленія на лицѣ,—не думаю, чтобы это я заставилъ

вась почувствовать, хотя можетъ быть вы и правы! Можетъ быть это былъ я, заставившій вась почувствовать самого себя. Но если это такъ, не много же мы знаемъ о нашемъ „я“.

— Нѣтъ, -- отвѣтилъ другой собесѣдникъ, улыбаясь и вздыхая.—Мы не много знаемъ о немъ. Можетъ быть это „Сокровенная Жизнь“ М. Арнольда, или „бессознательная основа сознанія“ нѣкоторыхъ изъ нашихъ свободомыслящихъ психологовъ, или можетъ быть „сублиминальное я“? Но, несомнѣнно, есть нѣчто, что заставляетъ насъ чувствовать наличность этого я.

— Да, что-то есть,—подтвердилъ и проповѣдникъ.—Но тотъ фактъ, что оно есть, все равно, чувствуемъ мы его или не чувствуемъ, кажется для меня гораздо важнѣе.

-- И вы, безъ сомнѣннй, правы,—сказаль путникъ.— Прощайте. Могу я написать вамъ черезъ нѣсколько дней?

— Напишите.

И они пожали другъ другу руку и разстались. Проповѣдникъ подвигался медленно по потемнѣвшимъ холмамъ; одинъ разъ онъ обернулся и посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда пришелъ: тамъ, надъ самымъ берегомъ моря, зажглась свѣтлая точка, но огонь былъ не достаточно великъ, чтобы освѣтить хижину, гдѣ жила старая вдова, лишившая себя огня и караулившая сигнальный огонь, чтобы по его указанію могли направляться къ берегу возвращавшіяся лодки.

Перев. съ англ. Е. П.

Раньше поучись, затѣмъ самостоятельно думай.

Каждого, отъ котораго ты чему-нибудь научишься, чти какъ своего учителя.

Многому я научился отъ своихъ учителей, многому отъ своихъ товарищей, но больше всего я узналъ отъ своихъ учениковъ.

Какъ желѣзо точится о желѣзо, такъ и умы оттачиваются о другой.

(Изреченія изъ Талмуда).